

Академия
штуд

АМАНЖОЛ ШАМКЕНОВ

НАСТРОЕНИЕ

Каз.
ШІ9

АМАНЖОЛ ШАМКЕ НОВ

НАСТРОЕНИЕ

Стихи и поэма

Перевод с казахского

Аманжол Шамке Нов
Перевод с казахского
с русского
с Аманжолом

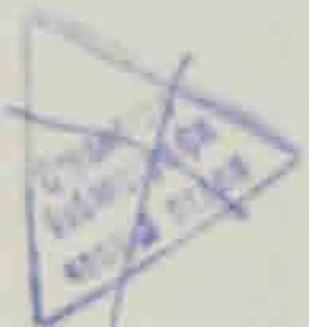
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
АЛМА-АТА 1973

220 886

88

Кл. 2
Ш119

860

Поэзия Аманколя Шамкель-
нова хорошо известна казах-
станским читателям. В новую
книгу вошли лирические стихо-
творения разных лет, цикл пуб-
лицистических стихов о новой
Германии, написанных под впе-
чатлением от поездки в ГДР,
и поэма «Сын Иртыша».

860

ш 0-7-4-3 061
м 402-153-73

НАСТРОЕНИЕ

Грусть легкая тебя в полон взяла
Или поток счастливый омывает?
И радости свои в своих делах —
Ты отразишь,
Иначе не бывает.

Ты тайну сердца держишь взаперти
И твердость духа выставишь, как страж
Но зеркало души,
как ни верти,
Глаза твои — все о тебе расскажут.

Любая мысль, владеющая сном,
Прошепчется и вылетит, как птица.
И будет виться не в тебе одном,
Но и во мне,
Во многих загнездится.

Мы все,
будь незнакомы иль близки, —
Одной цепи невидимые звенья
И, как по мановению руки,
Перенимаем наши настроенья.

Так будьте осторожны и нежны
И думайте почаше друг о друге.
Нам настроенья светлые нужны,
Как исцеленье при любом недуге.

Зло выплеснуть — желанье велико.
Остановитесь, посчитайте до ста.
Испортить настроение —
легко,
Исправить настроение —
не просто.

Ведь настроенье — драгоценный дар,
То хмурится оно, а то смеется,
Доверчивое, как воздушный шар:
Кольни его —
И лопнет, и свернется.

ВЕРА

Вступая в бой
С безликим, косым, серым,
Определя мысли и дела.
Во все эпохи искренняя вера
Оружьем человеческим была.

К свершениям удавшимся
Причастна,
Она людей не гнула до земли.
Мы верили друг другу —
И несчастья
Нас одолеть доныне не смогли.

О, эта вера!
К ней пайди дорогу
И только после отправляйся в путь:
Лишь от ее священного порога
Ты сможешь в дали дальние шатнуть.

ЛЮБИМЫЕ

Дни мелькают за днями,
Недели идут чередой.
В жизни каждая радость сменяется новой
бедой.

За сплошным невезеньем удачи приходят опять.
Жить, друзья,— это значит
Крутую скалу штурмовать.
А чтоб тверже стоять,
Чтоб судьбой прикасаться к судьбе,
Ты надежного спутника сам выбираешь себе.
А своротишь с пути — ничего на душе не тая,
Даст совет не из легких,
Как строгий и честный судья.
Разве цели достигнешь,
Вперед уходящим под стать,
Если только плохое годами друг в друге
искать?..

Разве шаг твой облегчит
Доверья незримая нить,
Если станешь обиды ненужною кладью копить?
Есть дела поважней, позначительней есть
интерес.

Кто лишь под ноги смотрит,
Тому не увидеть небес.
Знал я многих людей,
Не державших мечту взаперти
И готовых без крика в огонь за любимых пойти.
Пусть проходят недели,
За днями проносятся дни,
Все понять с полуслова недаром умеют они.
Все понять с полувзгляда
И, быть может, с полукивка.
Согревает мою руку любимая мною рука!

ВСЕ — СЕГОДНЯ

Когда к тебе придвинется опасность,
Дохнет враждой — не бегай от нее,
Включи свою стремительность
и страсть,

Немедленное мужество свое.
И схватку не откладывай с врагом —
Сойдись — глаза в глаза, к лицу — лицом.

Нет прошлого, и быстро время мчится,
Обидно тратить жизнь во имя лжи —
Когда с неправдой встретиться случится,
Не промолчи, а правду всю скажи.
На завтра не откладывай слова,
От храбрости — лишь выше голова.

Бывает так, что влюбишься внезапно
(Случается такое иногда). —
Признанья не откладывай на завтра,
Мгновения слагаются в года.
В запасе не найдется жизнь вторая,
Откройся первым, чувства не скрывая.

А если чья-то ненависть и злоба
С любимою тебя поссорят вдруг,
Не упирайся в угол мрачнолобо,
Не зарывайся в нору, как бирюк.
Откладывать не надо примиренья,
Теряя драгоценные мгновенья.

Вторгаясь в жизнь и яростно, и смело,
Ни мыслей, ни желаний не тай,
И слово не откладывай, и дело,
И чувства не откладывай свои.
И не смотри на вещи прошлогодние,
Живи — сегодня!
Делай все — сегодня!

Со смертью — не в ладах
сознание мое.

С какой-то страстью небывалой
Люблю я жизнь.

О радостях ее
В стихах не рассказать, пожалуй!..

В былые времена

творцы поющих книг
От жизни уходили сами.
Я — жить хочу.

Мой каждый день и миг
Отмечен звездными часами!

* * *

Сердце — это локатор,
Все оно чутко улавливает:
К близким — зовет в объятья,
Не верен шаг —
останавливает.

Сердце — это не флюгер,
Ветром изменчивым верченый,
Ветер — это не люди,
И сердцу быть флюгером не к чему.

Сердце всевидяще мудрое,
Сердце — оно такое,
Должность его очень трудная,
Нет ему, сердцу, покоя!

Мы дети

нашей солнечной земли,
Как серп и молот мы друг с другом
слиты.

Хозяевами мы сюда пришли,
У каждого из нас своя орбита.

Мы с государством всюду заодно,
Одни у нас победы и удачи.
Но одинакового

не дано

Нам ничего

Ни в радости,
Ни в плаче.

Один рожден для скромного труда.
Другой взлетит в словесном

восхваленьи...

Бывает, человек,

сорвавшись, как звезда,
Сгорает в неизвестном направленьи.

То, что посеял, то и пожинай,
У каждого из нас своя вершина.
Мы от земли неотделимы, знай,
Да и земля от нас неотторжима.

Я море долго обольщал,
Чтоб мошь его забрать на помощь.
Кумыс мне силу обещал,
И звезды рассыпала полночь,

Я степь, как ветер, облетел,
Чтобы простор душой запомнить.
В озера пристально глядел,
Чтоб глубиной глаза заполнить.
Чтоб дальше всех я видеть мог,
Взлетел на горные отроги,
Чтоб видеть вязь своих дорог
И дальше —
Дальние дороги.

На состязаниях в байге
Других я обгонял жестоко,
За новым днем с камчой в руке
Я мчал, чтобы успеть до срока.

Хотелось жизнь у жизни взять,
Хотелось силу взять у ветра,
И все, что я хотел узнать,—
Все впереди,
Все снова где-то.

Гоню в морозы и в дожди,
Держу великих для примера.
А сердце: «Тише, подожди,
Дана и человеку мера».

Не отвечаю я, молчу,
Ну что ты, сердце, оробело?
Не знаю сколько, но хочу
Жить так,

Чтобы в ушах гудело!

В ПУТИ

О чём задумалась, чудесница?
В глазах мечтанья не померкли,
В них искорки надежды светятся,
И отсветы,
И пересверки.

Голубизною окруженные,
Зрачки то радостны, то хмуры,
Себя в них вижу отраженным
Немыслимой миниатюрой.

О чём?

Хочу разведать истину,
Гляжу в их глубину агатовую,
Взволнованную и таинственную...
Загадываю
И разгадываю.

Ветра какие в сердце дунули?
Куда возвысились мечтанья?
В чём разуверились,
Раздумали,
И отчего снега растаяли?

О чём?

Что в жизни первым встретило,
Обрадовало?
Опечалило?
Когда на свете стало ветreno —
К какому берегу причалила?

О чём задумалась?

Мне хочется

Сказать тихонько:
— Будь же счастлива!..
Беспомощны мои пророчества.
Кому нужно мое участие?

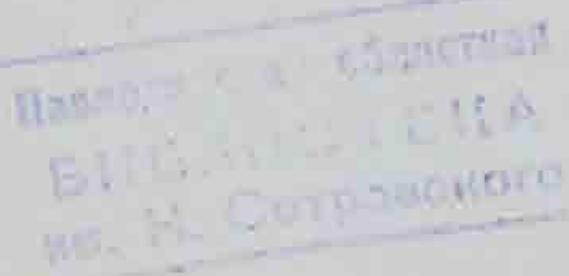
* * *

Кто ты, милая? Аукни!
Где ты там? Ответь скорей!
Для меня ты часть науки,
Книга — жизнь любви моей!

Покажись на миг единый,
Красотой своей блесни
И походкой лебединой
Привораживать начни!

* * *

Не за моим следишь ты взором,
К другому льнешь плечом тугим.
Из-за тебя я стал бы вором,
Но ты украдена другим.

* * *

Когда, не отрывая глаз,
Смотрю на встречную красавицу,
И вдохновенье и экстаз...
И кровь в лицо мое бросается.

Ты не сердись тогда, жена,
Мне свыше влюбчивость дарована,
Ты, как поэт, сама должна
Быть красотою очарована!

* * *

Печален, пасмурен и нем,
С глазами, как туман рассветный,
Лежал я тихий, незаметный,
Неободряемый никем.

Болезнь вот уж какую ночь
Меня клонила, угнетала.
О, радость! Вдруг залепетала
Со мною рядом крошка дочь.

Командует мне: «Я хочу,
Чтоб ты укрылся потеплее!»
Я подчиняюсь. Я не смею
Перечить моему врачу!

Дочь силится меня обнять,
Но коротки еще ручонки
У маленькой моей девчонки.
Я не больной! Я должен встать!

Я слышу, как в ее груди
Сердечко детское страдает,
И мне оно повелевает:
— Ты выздоровел! Встань! Иди!

Прочь, хворь моя! Растай во мгле.
Мне шею дочка обнимает,
Мой врач бесстрашный прогоняет
Недуг, который был во мне!

МОЯ АЙГУЛЬ

Наполнен новым счастьем каждый ден
Душа моя богаче стала вдвое.
Моя Айгуль,
Как маленькая тень,
Неразлучно шествует за мною

С ней вместе солнце в мой влетело дом,
И щебет птиц, и отголоски смеха.
И слышно мне,
Как в камешке любом
Звучит шагов ее веселых эхо.

Айгуль, Айгуль...
Светлей мне стало жить.
Ты спиши в кроватке,
одеяльце скинув.
Какая-то невидимая нить
Нас накрепко связала воедино.

А утром ты поднимешься чуть свет,
И лепет твой
меня произит счастливо,
Ты, птицам посылая свой привет,
Ручонками замашешь торопливо...

Маши, маши ручонками, Айгуль!
Пусть чистый смех твой
над планетой льется
И отступает мрак —
не потому ль,
Что маленькая девочка смеется!

ОЗЕРО РИЦА

О, Рица,
Припадаю
К груди твоей сквозь тишину.
Ты среди гор чудесных,
Как зеркало, блестишь.

След чистоты глубокой
В душе твоей святой.
Ты кажешься мне оком
Абхазии самой.

И до сих пор легенды
Живут в тебе — светлы.
Ты носишь имя девы,
Упавшей со скалы.

Не перечесть сказаний
И не уйти,
Пока
Усладой мне не станет
Рожденная строка.

Тебя качая нежно,
Хребты молчат вокруг.
Зачем, тебя увидев,
Нахмурился я вдруг?
Каким особым чувством
Теснишь ты грудь мою?
Я вспоминаю озеро
В моем родном краю.

Была к нему природа
Особенно щедра.

Как часовой, стояла
Огромная гора.

И вод его прозрачность,
И твердость берегов
Поэты оживляли
Созвучием слогов.

Но вэдрогнул Алатау
Над ним в недобрый час,
И озеро внезапно
От наших скрылось глаз.

О, Рица,
Я не в силах
Продолжить, нем язык...
Убили горы озеро
С названьем Иссык.

Стою я переполнен
Любовью и тоской.
Порой щедра природа —
Безжалостна порой.

Горит в горах
зарница —
Грозы далекой весть...
Исчез Иссык,
Но Рица,
Но Рица в мире есть

Я все стерпеть сумею,
Хоть, не скрою,
Не сладко в одиночестве и мне.
Но должен я, друзья мои, порою
С самим собой побыть наедине.

БАЛЛАДА О ГАНИ¹

1

Жилось тогда не сладко.
Но мир,
Высок и ал,
Все старые порядки
С дороги отмечал.

И вот,
Зовя свободу,
С решимостью в глазах
Предстал перед народом
Порывистый казах.

Вооруженный словом,
Он брался за дела,
Хоть смерть
Таких вот, новых,
Повсюду стерегла.

Он с бурей
Не украдкой
Играл, под стать бойцу.
Один бросался в схватку
С врагом — лицом к лицу.

2

С судьбой
Сражаясь гордо,
Привыкнешь ко всему.

¹ Гани Муратбаев — первый комсомольский вожак Казахстана.

Но голод брал за горло,
Геснил назад, во тьму.

Боролись за свободу
Для тех, кто нищ и слеп.
А бал от народа
Припрятывали хлеб.

Скрывали тот излишек
За крепостью дверей
От худеньких детишек,
От бледных матерей.

От века,
От свободы,
Врывающейся в дни,
От птицы в небосводе,
От друга и родии.

Страна стремилась к счастью,
Но хмурым был рассвет:
Есть все
У новой власти —
Вот только хлеба нет...

А песни в поднебесье,
На солнце — не в тени.
И шли джигиты
С песней
За молодым Гани.

А тот,
Не унывая,
Боролся и искал:
Над головами баев,
Как молния, сверкал.

Жилось тогда не сладко,
Хоть свет
Сиял вдали.
И старые порядки
Держались, как могли.

Они людей вязали;
Еще могли окрест
Любовь душить
Слезами
И продавать невест.

Чему при этой доле
Равняется успех?..
Что значит
Песнь о воде
И о правах для всех?

Какое зло
При свете
Скрывается в тени?
Недаром думы эти
Тревожили Гани.

Он был готов на муки,
На гибель был готов,
Чтоб только
Злые руки
Не трогали цветов.

Он жил в такие годы,
Когда теснили тьму.
Любовь
Своей свободой
Обязана ему.

В закатах
Дни тонули.
Враждой дышал простор.
Порою только пуля
Решала долгий спор.

И схватки,
И заботы
В бессоннице ночей.
И дерзкие налеты
Жестоких басмачей.

И рейды, и засады,
И грозные
В те дни
Бедняцкие отряды
Бесстрашного Гани.

Он сам
Пылал пожаром,
Как правды торжество.
Враги в бою недаром
Бежали от него.

Он с нами
По-соседству
И ныне — до конца.
На пламенное сердце
Равняются сердца.

ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ

Пусть дороги твои трудны,
По чужой тропе не ходи.
И почаще со стороны
На себя самого гляди.

Не поверю тому во век,
Кто пеняет в беде на других.
Волен сам себе человек
И в делах и в поступках своих.

И не стоит придумывать бед,
Чтоб потом их уныло петь.
Если ты настоящий поэт,
Надо правде в глаза глядеть.

И печали, и радости дня
Мне доступны как свет и тень.
Что же в жизни печалит меня,
Что порой отравляет мой день?

Больно мне, если кто-то вдруг
Клеветой осквернит свой рот,
Если бездарь, выпятив грудь,
Всех толкая, лезет вперед.

Не люблю я бывать в том дому,
Где не ценят простых людей,
Где хозяин не по уму,
А по чину встречает гостей.

Опечалюсь я, если сын
Двойку в табеле принесет,
Если день, если час один
Царом, попусту пропадет.

И печали, и радости дня
Мне доступны, как свет и тень.
Что же радует в жизни меня,
Чем высок и светел мой день?

Не нарадуюсь песне своей,
Если спелась она от души,
Но не меньше я рад за друзей,
Если песни их хороши.

Я любуюсь юностью той,
Что отцовскую мудрость чтит,
Но встает на неравный бой,
Если косность встретит в пути.

Побываю в дружной семье
И весь день веселый хожу,
А назавтра стихами всем
О хозяевах расскажу.

Следит за мной один и тот же взгляд,
Упрямы эти ясные глаза —
То на дорогу предо мной глядят,
То грустно озираются назад.

И что бы ни произошло со мной —
Придет ли радость, явится ль беда, —
Тот взгляд суровый за своей спиной
Я ощущаю нынче и всегда.

Когда душа в безлюдии горит,
Или когда при людях тяжко мне,
Глаза я эти вижу изнутри
И ощущаю их прищур извне.

Когда бываю резок и горяч,
Хочу решить проблемы кулаком,
Опять глаза, — все те же, —
Хоть заплачь,
И день и ночь следят за мной тайком.

И затихает буря и гроза,
Что в глубине сердечной поднялась...
...О, как строги у совести глаза!
Как велика их голубая власть!

ИЩУ ТЕБЯ

Тебя ищу.
Ищу тебя
и дни и ночи.
Слез непросохших нахожу следы.
Твои они?
Длиннее иль короче
Пути твои? Пути земли? Воды?
Где ты? —
Ищу тебя в травинках малых,
Ищу повсюду.

Мы вдвоем — сильнее всех.
Ищу в долинах
И на перевалах,
Когда дождь падает
или кружится снег.
Ищу тебя всю жизнь.

Вдвоем — не знаем страха,
Один беспомощен и умереть могу.
Ищу, когда волна морская бьет с размаху,
Ищу тебя у рек на дальнем берегу.
В душе народа я ищу твои приметы.
Ладонь кладу на сердце чабана:
— Ты не видал? Где, — спрашиваю, —
где ты?

Найду ли?
Помоги, моя страна.
Дням и ночам счет потерял.

Я за тебя в ответе.
Покоя нет в мучениях таких,
Пока ты не забрезжишь на рассвете,
Ты,
Нетерпение мое —
Мой новый стих.

* * *

О степь, и взглядом не окинешь, право,
Твоих просторов среди бела дня!
Плывет комбайн,
И девушка лукаво
С улыбкою взглянула на меня.

В ее глазах две нераскрытых тайны,
Сиянье придающие зрачкам.
Любуюсь,
Как легко штурвал комбайна
Доверился девическим рукам.

Ее не просто
На земле приметить,
Красавицей нельзя ее назвать,
И я смотрю, как треплет легкий ветер
Из-под косынки тоненькую прядь.

Теперь не спать мне долгими ночами
В плену у первозданной чистоты.
Как жаль,
Что мы не сразу замечаем
Приметы настоящей красоты!

О ЧЕМ ВСПОМИНАЕТ СЕРДЦЕ

З. А. Шамкеной

ВНОВЬ РАСТРЕВОЖЕНА ДУША

I

На запад, к городу Берлингу,
Мы мчим, взлнившио дыша.
Знать, неспроста дорогой длиной
Вновь растревожена душа.

Леса Смоленска, рощи Минска
Давно растаяли вдали.
Там горькой памятью дымится
Почти любой вершок земли,

Там к холмикам спешат рассветы.
Там грозно скрежетал металл,
Как будто бы со всей планеты
Он шкуру заживо сдирал.

И брат мой не пришел оттуда,
Живя теперь в моей судьбе,
Да, степь родная, было худо,
Да, было тяжко и тебе!

Спроси-ка, степь,
О смерти брата —
Тебе ответят небеса,
Гряда холмов зеленоватых
И те зеленые леса,

Поведают о том, что было:
Какой он звездочкой храним,
Какой бугор — его могила,
Какое деревце над ним...

2

Вон крепость Брестская — гляди!
 А вон уже края не наши.
 Остался Одер позади
 В долине, выгнутой, как чаша.

Вон Эльба — щедростью горда
 И дружбой искренней богата.
 А ведь была ее вода
 Объята пламенем когда-то.

Следы войны, следы борьбы
 Еще видны под небом чистым.
 Да, избежать своей судьбы
 Не удалось тогда фашистам.

Казалось, дни рвались окрест
 И поражали все живое...
 А может быть, до этих мест
 Дошел мой брат от боя к бою?

Мой оклик, эхом огрубя,
 Сознанью возвращают дали.
 Какие земли под себя
 Батыры наши подстилали?..

3

Под яростными небесами
 Сейчас во мне
 Живет мой брат:
 Смотрю вперед его глазами,
 Своими грустными — назад.

На запад, к городу Берлину,
 Мчу, солице обогнать спеша.
 И неспроста дорогой длинной
 Вновь растревожена душа.

ЭИЗЕНХЮТТЕНШТАДТ

Здесь травы темнели от чада,
Охватывал сосны испуг.
Война, что не знает пощады,
Боями вскипала вокруг.

Рыданья смолкали устало.
И взвившаяся в небеса
Фонтаном земля опадала
На выгоревшие леса.

Но грянули новые сроки.
И город, огнями лучась,
На месте воронок глубоких
Стоит перед миром сейчас,

Живет он на свете недолго,
Рабочему грохоту рад.
Не жерла орудий, а домны
В спокойное небо глядят.

Да, город, трудом поражая,
Сквозь время шагает легко.
И славным его горожанам
До старости так далеко!

Он юностью граждан гордится:
Постигшим и свет, и туман,
Им, в среднем,
Едва ли под тридцать —
А вон как ведут караван!

Веселая, новая, гордая
Повсюду, куда ни пойдешь,
И мир и грядущее города
По праву хранит молодежь.

Делами хранит и словами.
Мы с вами, друзья, до конца!
Безоблачно небо над вами,
Безоблачны ваши сердца.

Ошибки и промахи жизни
Порою — урок на века...
Я знаю, что ваша отчизна
Еще не единна пока.

Я знаю, что внуки и дети
Не внимают словам подлецов.
Я верю, они не в ответе
За дедов своих и отцов.

В архивах минувшее стынет,
Наследье его взаперти...
Иные колонны отныне
Идут по иному пути.

Шагают сквозь планы,
Сквозь сроки.
И город, огнями лучась,
На месте воронок глубоких
Стонет перед миром сейчас.

БЕРЛИН

Две судьбы, две свободы, две части.
Сам теперь ты, Берлин, выбирай,
На какой стороне твоей — счастье,
На какой — «потребительский рай».

Вот наследья жестокого крохи...
Этот город, таящий вину,
Как мозоль на подошве эпохи,
Не дает мне забыть про войну.

В этом городе чисто и затхло,
Словно длится дурная игра.
На одной стороне его — Завтра,
На другой — остается Вчера...

Но не прячут в минувшее годы,
Не уступят ему ничего.
И ведут две судьбы, две свободы,
Спор за будущее торжество!

НА ТАНЦАХ

Волнуют сердечные встречи,
Коль их специально не ждешь.
Засиявших туристов на вечер
К себе зазвала молодежь.

Звучали рассказы и шутки.
Улыбкой слепя озорной.
Свободно,
Естественно,
Чутко
Карин танцевала со мной.

Застенчивым не был я ране.
А здесь, в молодежном кругу,
Язык прилипает к гортани,
Ни слова сказать не могу.

Страдаю от перенагрузки
У неодолимой черты.
Но девушка
Фразой по-русски
Разрушила вал немоты.

Раскованно, плавно скольжение...
И ты мне казалась сестрой,
Вдыхавшей в слова и движенья
Какой-то особый настрой.

То робко, то гордо и смело,
Мечтою заветной дыша,
Из глаз твоих синих смотрела
Твоя голубая душа.

Ее настроению вторя,
Светилась ты:
— Близится срок!
Я стану учителем вскоре
И школьный услышу звонок!

Что может быть лучше на свете?
Веков наставленья храня,
Пусть тянутся к знаниям дети,
Как тянет к детишкам меня!

— Ведь созданы люди для знания! —
Карин говорила всерьез.
И реял над нами в молчанье
Все тот же нелегкий вопрос.

Заглядывал в очи надежде,
Тревожась, печалясь, любя.
Не знаю, как ныне,
Но прежде
Ведь был же отец у тебя?

• • • • • • • •
• • • • • • • •
Остался вопрос без ответа...
Смеясь и танцуя, Карин,
Ты все-таки помни про это
Вблизи от отцовских седин.

Ты, чтобы бои не гремели,
От честной судьбы не тай
Свои сокровенные цели,
Весенние грэзы свои,

Удачи свои и невзгоды,
Сомненья и сотни затей...
Слагается счастье парода
Из счастья отдельных людей,

Из радости в каждой квартире!
Исчезнут навеки бои —
И самыми сильными в мире
Останутся руки твои.

Под мирным теперь поднебесьем
Нас,
Выбравших общий маршрут,
Пусть танцы, работа и песни
По солнечной жизни ведут.

САКСОНСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

В Хонштейне, мой земляк темноволосый
Твоя б рука поэту помогла!..
А то оставлю, соскользнув с утеса,
Не кончевые время дела.

Посмотришь вниз—исполнишься тревоги.
Метнутся мысли, что степной косяк.
А рядом — сам мечтает о подмоге
Мой искренне растерянный земляк.

Мы сто высот в подъеме одолели,
Карабкаясь навстречу родникам.
Как на зеленых парашютах, ели
Спускаются к усталым степнякам.

Здесь красота в печали и в веселье
Представлена — куда ни погляди.
Глубокие и синие ущелья
Рождают вдохновение в груди.

Недаром прояснились наши лица,
Как будто ощущив родимый зной,
Нам кажется; кругами,
Словно птицы,
Парим мы над пьянящей крутизной.

Далекие уступы в небе тают.
Прозрачны, мелодичны и легки
Веками сохраняемую тайну
Пришельцам раскрывают родники.

Деревья в склон вцепились зло и юно.
С их жаждой жить не совладает враг.
Огромный холм — как войлочная юрта,
Когда у юрты поднят шанырак¹.

¹ Шанырак — верх юрты.

Он неподвижен в каменном величье,
И крайностями нынешней поры,
Легки и стоголосы песни птичьи,
Уступы, словно лезвия, остры.

Я вспомнил наши степи и туманы
И в низких тучах голубой проем.
Эй, токарь Салимжан из
Джезказгана,
Давай-ка по-казахски запоем!

Пусть нас услышат дальние просторы
И те, что простираются окрест;
Саксонские задумчивые горы
И люди — уроженцы этих мест.

Гора Бастай радушием кумира
Нам платит за мелодию сполна:
И Эльбу,
И еще почти полмира
С вершины открывает вдруг она.

Лежит природа дастарханом щедрым,
Но даже птице не влететь сюда:
Взглядите — будто крохотные щепки,
Белеют в синей гавани суда.

Качаемся, как в колыбели звездной,
Повисшей на невидимом шесте.
Быть может, Гейне

Этот чистый воздух
Вдыхал на этой чистой высоте!..

Кто не пленится дивной красотою,
Навек не сохранит ее в себе?
А я припомнил над Алма-Атою
Вознесшуюся кручу Коктюбе.

А я припомина, может, и не сразу
Баян, Каркары и Бурабай,
И Крым, и кручи древнего Кавказа,
И мой степной неповторимый край.

Я заявляю, только правде внимая,
Что нет плохих земель, лесов и рек.
Поэты знают, что в хороших землях
Не уживется злобный человек...

ДВЕРЬ

С утра я почему-то был рассеян,
Пока концлагерь тот не повидал:
Вчерашний ад сегодня стал музеем
Среди ущелий и отвесных скал.

Холодный ветер налетает косо,
И камни тайну скорбную хранят.
И страшные участники допросов —
Орудья пыток — вытянулись в ряд.

Я, не справляясь с чувством
состраданья,

Нес в самом сердце
Боль былых потерь,
Пока не привлекла мое внимание
Дубовая внушительная дверь.

«Прощай, мой край!»
В немой тиши, однако,
Была мне фраза эта вот слышна.
Не знаю, чем тут наносили знаки,
Но с двери в мир кричали имена...

О дверь! Была ты памятью несмелой,
А стала верой, рвущейся в полет.
Здесь каждый выводил перед
расстрелом
С десяток букв,
Чтоб помнил их народ...

Здесь честных и отважных патриотов
Никто не мог от казни уберечь.
Их имена и в сердце, и в блокноте
Я сохранию... Но не об этом речь.

Они служили правде и отчизне,
У них родня и семья быть могли.
Недаром ведь они во имя жизни
Прощались с ней от Родины вдали.

И, вздрагивая словно от испуга,
Я приближаюсь к надписям опять,
Чьи буковки,
Пропавшие друг к другу,
С трудом сегодня можно разобрать.

Здесь руку, нацарапавшую «мама»,
Ту руку, что была желтей песка,
Выкручивала злобно и упрямо
Другая — беспощадная рука.

Мне близок тот,
Который в слове нежном
Соединил в предсмертном забытьи
Всю месть свою, и все свои надежды,
И все печали горькие свои.

Пусть с той поры
Промчалось лет немало,
Пусть мирно светит солнце в вышине,
Но это нацарапанное «мама»
Звучит щемящим голосом во мне.

Кто возместит такие вот потери?
Я, от былых событий отдален,
Вовек не позабуду этой двери,
И гордых судеб, и людских имен!..

МЕРТВЫЕ ДОМА

Да, вижу их во всей красе я...
Там копоть, тишина и полутьма,
Где, как готовые музеи,
Застыли мертвые дома.

Мы четверть века
Рядом с теми,
Кто пробивался к ним во мгле,
Месть опалила эти стены
На их же собственной земле.

Большие зданья перед нами
Стеклянно вытянулись в ряд.
Но, словно ночи между днями,
Руины между ними спят.

Движение здесь заметишь редко...
Так в чем же их вина была?
Ограждены железной сеткой
Проломленные купола.

Бывших жильцов найдешь едва ли,
Чей долг свободе — не пустяк.
Дома, дома! Они не знали,
Что им придется стыть вот так.

Здесь жизнь таилась и шумела,
Тянулись будни и пиры.
Быть может, здесь
Мечтатель смелый
Страдал и верил до поры?..

Ступени... Треснувшие своды...
Повсюду немота смина...
Эй, люди! Пусть от года к году
Стоят здесь мертвые дома.

Пусть высятся пустые зданья
От новой жизни в стороне,
Как вечное напоминанье
О разрушительной войне.

Чтоб мир не омрачился снова,
Руины вторглись в наши дни.
Свидетелями лет суровых
Придут в грядущее они.

И каждый, как легенда, будет
Звучать правдиво среди нас,
Чтобы забывчивые люди
Могли опомниться подчас.

ЗАЛ В ЛЕИПЦИГЕ

Взгляни: былое воскресает снова,
Зал расцветает красками.
И вот—
Димитрова взволнованное слово
Здесь слушает собравшийся народ.

...Да, здесь музей
И с виду, и по сути:
Храня до срока тайны в тишине,
Устало снят пустые кресла судей
И дремлет позолота на стене.

И что тогда бы судьи ни сказали,
Двадцатый век предвидел их ответ.
Завесы пади...
В обнаженном зале
Оставила борьба свой четкий след.

ИСПОВЕДЬ СОЛДАТА

(Со слов экономиста Вильгельма Миттига)

Здравствуй, друг!
Мне приятно назвать тебя другом.
Что отрадней и выше предложит мне
век?

Помню: гонят история страны
по кругу,
И к ногам человека ползет человек.

Что искали тогда мы в губительном
риске,
Не идеями — бредом судьбу ослепя?
Громко славили мы чистокровность
арийцев
И опорой планеты считали себя.

«За историю рейха в ответе
солдаты!»—
Так втолковывал нам, обессилен и зол,
Наш прославленный фюрер,
Слепец бесноватый,
Что затравленной крысой из жизни
ушел.

Я мечтал о забвенье, как будто о чуде,
Но иным преступленьям забвения нет.
Я потом увидал, как советские люди
Принесли человечеству правду и свет.

Наше счастье достойно кипучего века,
Нас ведут перевалы к мерцанию высот.
Знаю я, человек превзойдет человека,
Но народа превыше не станет народ!

ЭЛЬБА

И тень лесов, и зелень луга,
И Дрездена дома-дворцы.
А берега здесь друг на друга
Похожи, словно близнецы.

Во имя этой рани ранней
Ты, Эльба, хмурилась в борьбе.
Мы, помня о твоих рыданьях,
Плыvем сегодня по тебе.

Сюда мой брат не ради мщенья
Спешил десятками путей.
Ты, Эльба, с чувством отвращенья
Смотрела на своих детей.

Ты, Эльба, не могла забыться.
Я силюсь в муке немоты
Представить дорогие лица,
Вглядеться в стертыe следы.

Ах, если б говорить могла ты,
Спокойней был бы мой удел!
Я в полушате от заката
Задумался и погрустиел.

Прости мне, Эльба, слабость эту,
Спокойно глядя в синеву,
Тебя за прошлое к ответу
Сегодня я не призову.

Пусть над тобой свинцовым грозам
Не повториться наперед.
Пусть чья-то кровь и чьи-то слезы
Не замутят прозрачных вод.

Пусть голоса проносит мимо,
Душа восходит в забытьи,
И зеленеют в песнях мирных
Прямые берега твой.

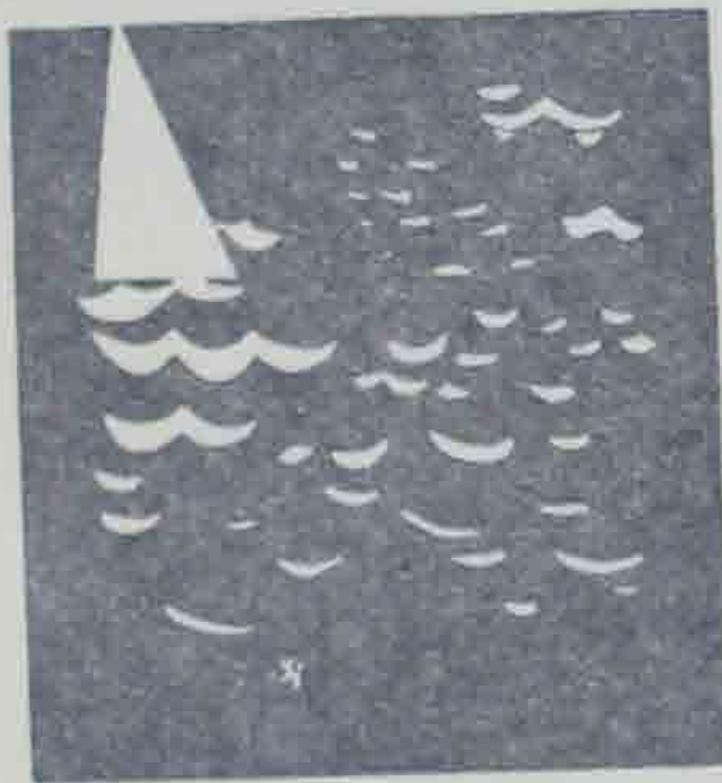
РАЗГОВОР С ГЕЙНЕ

Озера, равнины
И горные пики,
Густые леса и синеющий свод,
Ну мог ли ты думать,
О Гейне великий,
Что край твой
На части
Судьба рассечет?..

Ну могли ты знать,
Что враждебностью острой
Смахнутся соленые слезы с лица,
Что братьям
Не смогут довериться сестры,
Что окаменеют живые сердца?

А ныне твой край разделен.
И при этом
На той стороне забывают о дне...
Но вечная жизнь
Наполняется светом
И к высям зовет —
На другой стороне!

Из небытия тебя
Нынче верий-ка —
И место поэта
Займешь ты опять.
Ты сам разберешься,
О Гейне великий,
Какой из сторон
Предпочтенье отдать!

СЫН ИРТЫША
поэма

СЫН ИРТЫША

1

Тобой, Иртыш,
Раскинувшийся вольно,
Не зря сейчас любуется народ.
Твой, Иртыш,
Медлительные волны
Врезает наш спокойный пароход.

Плыл пароход
Легко и невесомо,
И, утопая в свете и тепле,
Стоял я, словно на балконе дома
Или у птицы белой на крыле.

Остался город вдалеке,
До срока
По падубе скакавший наугад
Щекочет ветер шею мне и щеки,
Отбрасывает волосы назад.

Он то вздохнет,
То затанется где-то,
То аромат домчит издалека,
То вырвать попытается газету
Из смуглых рук худого старика.

А рядом разговоры, смех и шутки.
Остроты — только слушать успевай!
Плыл пароход,
Подрагивая чутко.
Плыл пароход по имени «Абай»,

Былого тайны, времени интриги
Не слышались из глуби голосов.
Река — как корешок
Раскрытой книги
С широкими страницами лесов.

И я простор вдыхаю с нетерпением.
Мне кажется,
У века на виду
В чудесный мир мечты и откровенья
Сейчас я настороженно войду.

Леса густы, и зелены их листья.
Неповторимым шёпотом они
Зовут, зовут,
Соприкасаясь с высью:
«Остановись и отдохни в тени!»

И сунут брови, отступая в дали.
В лесах мы,
Изучив любую пядь,
Смородину когда-то собирали
И не пытались тайны разгадать.

Мы там поляны заливали смехом,
Играли в прятки буйною гурьбой.
Брели сквозь чащи,
Окликали эхо
И возвращались вечером домой.

О хищниках не думали.
Палище
Колючий наст касался наших ног.
Наверно, я сейчас в безлюдных чащах
Уже бродить бестрепетно не смог.

Мы все воспринимали с интересом.
Мечтала о геройстве ребятня...
Так почему ж
Глаза густого леса
Сейчас сурово смотрят на меня?

И мне теперь деревья эти рады,
Теснясь по сторонам за рядом ряд:
Так проезжает маршал
В час парада
Вдоль двух шеренг отборнейших
солдат.

Парад почета принимает маршал.
Здесь чувствую себя я богачом:
Мне чайка пролетающая машет
Крылом,
Как будто солнечным лучом.

То ввысь взметнется,
Чтобы вдаль умчаться,
То прикоснется к вспененной волне.
Живет на свете чайка, верит в счастье
И мне напоминает обо мне.

И в пробужденных мыслях нет печали,
И, словно к чайке обращаясь вслух,
Я говорю себе:
— Прекрасны дали!
Познай себя и этот мир вокруг!
Я ширь лесов окизываю взглядом,
И новой мысли ощущаю нить.
Она живет словами:
— Счастье рядом!
А если так — куда тебе спешить?

Смеются откосы и излуки.
 На палубе покой и кутерьма:
 Иные,
 Как фанатики науки,
 Весь день листают пухлые тома.

Тем только «кости»,
 Карты интересны,
 А эти затеваю разговор.
 Две девушки затягивают песню,
 И песне откликается простор.

Влюбленные своим секретам рады,
 Стоят вдвоем,
 Как будто бы одни.
 Вот я прошел неторопливо рядом,
 И замолчали тотчас же они.

Теперь вернется прежнее едва ли.
 Над широко раздавшейся рекой
 О чём они
 Друг с другом ворковали?
 Зачем я сам нарушил их покой?

Мир на меня
 Взирает с укоризной,
 И я смятенье чувствую в душе:
 Здесь говорили, может быть, о жизни,
 А может быть, о нашем Иртыше...

А может быть, о дивном этом крае...
 Взгляды, не помышляя ни о ком,
 В сторонке, молча,
 В шахматы играют
 Старуха с лысоватым стариком.

Тот простоват и весел, но однако
Старательно продумывает ход.
Старик решил
Развить успех атаки,
Хотя противник спуску не дает.

Седой противник
Хмурится сердито...
Мне с каждым мигом дышится
вольней,
Мне так легко на палубе открытой,
Как будто утро зимнее над ней.

Влекла к себе дорога голубая,
Я рад,
Что в свете солнечного дня
Незримый кто-то строками Абая
Окликал неожиданно меня.

Окликал песней,
Долетевшей к сроку,
Принесшей теплоту издалека,
И тут увидел я неподалеку
Стоявшего в молчанье паренька.

Смотрел он в открывавшиеся дали,
Был мрачноват.
Пожалуй, до сих пор
Здесь удалось кому-либо едва ли
С ним завязать дорожный разговор.

Казалось, он плывет не дни, а годы;
На яростного солнца торжество,
Ни девушки,
Ни гордый вид природы
Не волновали, видимо, его.

Стоял он,
Как в предчувствии полета,
Среди других и все же — в стороне.
И что-то видел или слышал что-то,
Пока еще неведомое мне.

Я на него поглядывал украдкой:
Напорист.
Красотой не обделен.
Но тайну или странную загадку
В себе носил, по-видимому, он.

Простор манил резвиться,
Словно в детстве.
Но паренек все так же был угрюм,
Как будто никуда ему не деться
От горьких и неотвратимых дум.

Быть может,
Он видел такие виды,
Что счастья до сих пор не смог найти...
Какие ж это беды и обиды
Его подстерегали на пути?

Спокойный взгляд исполнен ожиданья,
Какая же гнетет его тоска?
Какая боль,
Какие испытанья
Могли настичь такого паренька?

Душа душе откликнуться готова
И в дни печали, и в годины бед.
Заговорил я первым.
Но ни слова
Вначале не послышалось в ответ.

А красота вокруг — не наглядеться!
И снова я простор обвел рукой,
И снова начал о лесах,
О детстве,
Прошедшем вот над этою рекой,

О ярко занимавшихся рассветах,
О трепетных порывах ветерка,
О времени умчавшемся...
И это,
Мне кажется, смягчило паренька.

Он отозвался,
Словно бы невольно
Забыв о подступающей тоске.
Когда-то он купался в этих волнах
И загорал на этом вот песке.

Он говорил теперь,
Бровей не хмуря,
Он был сейчас минувшему открыт.
Мудрец по взгляду,
Воин — по фигуре,
Короче, безупречнейший джигит.

Судьба его в тисках сжимала крепко.
Но все же устоял он на ногах...
В костюме старом,
В выгоревшей кепке,
В кирзовых и тяжелых сапогах.

Когда плывешь, плывешь
По глади синей,
В пути беседой время коротай.
Молчал, наверно, не из-за гордыни
Полутчик мой по имени Ертай.

И все-таки таил в душе заботу,
То улыбался, то мрачел опять.
Он ехал в центр,
Чтоб подыскать работу,
Чтоб, как сказал он, «правду
отыскать».

Как глянешь в душу,
Коль она закрыта?
Как к ней проникнешь,
трепетно-живой?

И, привлеченный скрытностью
джигита,
Я осаждал вопросами его.
Казалось, мир моим словам
подвластен...

И, принимая этот разговор,
Нахмурившись,
Раскрыл мне сердце настёжь
Полутчик мой, молчавший до сих пор.

4

... О друг,
Пускай пока я мало прожил,
Но я немало повидал в пути.
Надежду настигал не раз, но все же
Ее вершин сейчас мне не найти.
Ища с рождения кров над головою,
Шагами измеряя бытие,
Я с жизнью в бой вступал,
С ее крутою,
С волною разрушительной ее.
«Зачем блуждаешь по чужим
просторам,
И поперек дороги нам встаешь?» —
Так волны мне в лицо кричали хором,

Швыряя гневно на берег,
Ну что ж?

Как устоять?
Душа моя — не море.
Плыл по течению, не смирив огня.
В далекий год меня настигло горе:
Родителей не стало у меня,

Не помню лиц,
И память не тревожу.
В насмешку ли мне выпал этот путь?
Лишь повзрослев, сумел понять я

все же,
Какое горе мне давило грудь.

Я был один.
И, обжигая щеки,
Катились слезы крупные из глаз.
Когда под ветром обивать пороги
Мне приходилось у домов не раз.

Полуодетый —
Мне бы лишь согреться.
Полуголодный — ел я лишь во сне.
Такое, видно, выпало мне детство.
Кому пойти пожаловаться мне?

Я счет обидам забывал мгновенно,
Дни забывал, как забывают лица.
Но помню:
Обласкал меня военный —
Околыш красный, «шпалы»

на петлицах.

Судьба моя!
Не все ей быть унылой.
К большому дому мы пришли вдвоем.

Как там дышалось! Сколько света
было!
Как будто я нашел там мать с отцом.

И горечь отступила и забылась,
И боль из сердца унесла с собой.
Какой был день!
Как сладко сердце билось!
Играли рядом сверстники со мной.

А я не ждал такого излеченья,
Не ждал такого сказочного дня.
Как я смогу
Забыть прикосновенье
Руки, так нежно гладившей меня.

Ушло, ушло былых страданий время.
Я рад. Я сыт.
Чего еще желать?
И Родина моя
Дарами всеми
Меня не успевает награждать.

Она с меня заплатанную шубу
Сняла,
Как будто прошлое смела.
«Ну, в добрый путь!»—
И улыбнулись губы,
И вот дорога впереди легла.

Букварь раскрыл шуршащие страницы,
Лег азбукой неведомых наук.
Меня растили,
Чтоб я мог учиться,
И книгу я не выпускал из рук.

Тревогу сбросив,
Сердце ввысь спешило,
Забыв боязнь, не вспоминая зла.
И каждый год манили с новой силой
Те знания, что школа берегла.

Та лестница, что круто вверх
стремилась,

Отрывок жизни — как его забыть?
Как оборвать,
Скажите-ка на милость,
Ту тягу, ту связующую нить?

Без школьных знаний мне пришлось бы
того,

А школа вдаль уверенно вела.
Она была
Советчицей и другом,
Всем самым близким для меня была.

Как мне не дорожить ее советом,
Как мне прожить без мудрости ее?
И каждый год был в жизни ярким
следом.

И каждый класс —
Мужание мое.

Покой гоня,
Как будто бы опасность,
Не мог я средним быть учеником.
Наука и искусство — вот чем страстно,
Вот чем я был безжалостно влеком.

Я был упрям.
И школьных знаний русло
Мне позволяло первому идти.
Лишь иногда

Мальчишеское буйство
Меня стремилось в сторону снести.

Как в детстве неожиданно и страшно
Ошибки превращаются в беду!
Я помню,
Как меня из школы нашей
Решили исключить в одном году.

Я к худшему готовился.
Известно,
Со мною просто было воевать.
Но мне тогда пришла на помощь
честность,
И многое мне помогла понять.

«Ты разобраться нам помог.
Спасибо.
Везде и всюду честью дорожи!» —
Директор наш тогда меня, как сына,
Сам защитил от неприкрытой лжи.

6

Навечно я в долгу пред тем событием,
Моя надежда
Выжила во мне.
И снова в океане счастья плыть мне,
И десять лет — как будто десять дней.

Ведь то гнездо, где рос —
Оно не может
Остыть, уйти бесследно в забытье.
А жизнь с рекой стремительной скожа,
Преградами не удержать ее.

Как незаметно те года исчезли!
Я аттестат с волненьем в руки взял,
Как будто мне
Открылся мир чудесный
И за собою в путь меня позвал.

Кто радости определит границы,
Мечте сумеет очертить предел?
Казалось мне,
Что я тогда, как птица,
Одним дыханьем на небо взлетел
Я человечным стал,
Я стал веселым,
Дурное все оставил в стороне.
И крылья те, что подарила школа,
К любой работе путь открыли мне.

Мы до седых волос в долгую пред нею,
Пред тем, что нас созвал ее звонок.
Мы десять лет тянулись к ней,
взрослея,

И годы те —
Как жизненный пролог.

Не думая о времени заветном,
Там, у подножья сопок Бестюбе,
Как жеребенок, я бежал за ветром,
Бежал за счастьем в собственной
судьбе.

А степь плясала
Вьюгой надо мною,
А степь мне ноги ссаживала в кровь,
И, плача, я к ней припадал щекою,
И степь от бед спасала вновь.

Степь лучшее мне в жизни подарила,
Мне душу переполнила она.

Ласкала мысль мою,
Вселяла силы,
Неудержимой радости полна.

Да, степь была улыбчивой и строгой,
И закаляла для того меня,
Чтоб стойким был я
На любых дорогах,
Перед любыми всплесками огня.

Вот почему
Мне степь всего дороже.
Как таинством наполненный сундук,
Она хранит сказания,
Быть может,
Но их не выдаст ни единый звук.

Я урожая ждал, как будто чуда,
В степи травинку каждую берег.
Степного сердца
Слушал перегуды,
И все никак наслушаться не мог.

И ветерок меня ласкал послушный,
И звал куда-то шорох ковыля.
И мысль одна
Тревожила мне душу:
Меня к себе звала моя земля.

Цель становилась с каждым днем
яснее.

Я взвесил все —
Реальность и мечту.
И вот решил, волнуясь и робея,
Учиться ехать я в Алма-Ату.

Он замолчал,
О чём-то вспоминая,
И на меня взглянул из-под бровей,
Как будто мимолетно проверяя,
Не надоел ли болтовней своей.

Над нами закачалась тя-то песня.
Молчим,
Стоим, знакомые едва.
Но кажется, что мы росли с ним
вместе,
Одни и те же слушали слова.
Им легкий путь был съязмальства
отброшен.
Такому на коленях не стоять.
Мне хочется узнать
О нем побольше,
Чтобы его натуру разгадать.

А он стоял
И молча слушал песню,
И вдруг улыбка на лицо легла.
И угадав, что мне он интересен
Продолжил нить, что прервана была.

— Кто любит жизнь,
Кто не боится дела,
Того пути назад не приведут.
Мне вспомнилось, как я не-очень смело
Вошел впервые в этот институт.
На полуправде не придешь к удаче.
Как быстро время шло меж этих стея.
Студенческое время!
Что богаче,
И что тебя беднее, вместе с тем?

Здесь общим было все:
И наши знанья,
И впечатлений собранных запас.
Для нас аудитории, читальня,
И общежитье светлое — для нас.

Мы знаний друг от друга не скрывали,
Бродили в ночь,
Когда кругом ни зги.
И каждый день старательно меняли
Потертые свои воротнички.

Порой переполняли нас события,
Мы их переживали, торопясь.
Ведь что ни день — то новые открытия,
Мы жизнь любили,
Жизнь любила нас.

Мы ошибались —
Без ошибок трудно,
Студенческая жизнь — в чем суть твоя?
Пускай сегодня пробедал скучно,
Зато сегодня миром правлю я!

Как убегали мы со скучных лекций,
Как в дни стипендий мы справляли той!
Порой не успевашь оглядеться,
А уж карман
Давным-давно пустой!

День завтрашний!
О нем не помышляя,
Мы жили только в счет текущих дней.
И друг у друга деньги занимали
До будущей стипендии своей.

Но были дни, как острье книжала:
Чтоб не сгорать напрасно от стыда,
Мы девушек домой не провожали,
Когда в карманах пустота,
Когда

Мороженое им купить не можешь,
И все же нет причины для тоски,
Сегодня беден,
Завтра я — вельможа,
И весел я, и дни мои легки.

Я был с друзьями щедрым без оглядки,
Все, что имею, выложить готов,
А впрочем,
Вам знакомо и понятно
Все это самому без лишних слов.

8

Теперь уже не сыщешь это время,
Лишь памятью вернешься иногда,
Чтобы опять
Побыть с друзьями теми,
И вспомнить те далекие годы.

Бывают дни —
В них стужа белокрыла.
Бывают дни — и тает лед уже,
Но первую любовь какая сила
Заставит позабыть твоей душе?

Любовь
Завоевать без боя трудно,
Стремительно летит ее поток.

Настало время — и обжег мне губы
Ее горячий и хмельной глоток.

Что это все же?
Может быть, безволье
Вдруг прорвалось, мне сердце полоня?
Я пламенем объят, смятен и болен,
И беспокойство мучает меня.

А надо мной безоблачное небо
Лучом земли касается едва,
И, сам не свой,
В огне сгорая немо,
Я забываю мысли и слова.

Но жить в таком накале невозможно.
Меняются походка и черты.
Но вот весь мир
Перед тобою ожил,
И буревестник в тучах — это ты!

То вихрь, то смерч...
Где тайна беспокойства?
И не успел я отступить назад,
Как был уже безжалостно и просто
В тиски любовью накрепко зажат.

А вышло так:
Она в читальном зале
Сидела от меня недалеко.
Я посмотрел и — вспыхнул. Но вначале
В себе я прятал тайну глубоко.

И раньше девушки встречались мне
весь...
Так что так сильно сердце обожгло?

Как будто между сном и явью
Лебедь
Прошла, подставив белое крыло.

Все закружилось,
Обрело звучанье,
Ее рука легла, меня слепя.
И две косы за хрупкими плечами
На шее ощущил я у себя.

Моя мечта,
Скажи, в какие сроки
Тебя мне в руки ниспослала жизнь?
И вот глазами встретились. И щеки
Как будто от пощечины зажглись.

И я в лице переменился даже,
Когда она оторвалась от книг.
Я был
И возбужден, и взбудоражен,
И ничего не помнил в этот миг.

Что делать мне?
О ней лишь бьется сердце.
Ждать встречи с каждым днем все
тяжелей.

И от тоски мне никуда не деться.
И вот однажды подошел я к ней.

Мне честь шептала: «Чувствами своими
Себя проверь ты!»
Но легко сказать!
Гуляйм — какое ласковое имя,
И как тепло дано ему звучать!

Вот так любовью был мой путь отмечен,
И у меня бежать не стало сил,

Как будто бы
С той долгожданной встречи
Я в мир неузнаваемый вступил.

Теперь мы с нею
Каждый вечер вместе:
То в сад выходим, бродим по земле,
То время коротаем незаметно
Над грудой книг, раскрытых на столе.

Мы видели — рождался лист березки,
Травы движенье слушали вдвоем,
Мы покупали леденцы в киоске
И целый день
Бродили под дождем.

Я сам с собой смеялся без причины,
Горел, спешил, был будущему рад.
Забыто одиночество,
Отыне
Я истинными чувствами богат.

Так Гуляйм в жизнь мою вошли.
Бессонно
О ней я думал,
торопя мечту.
Мы походили с ней на тех влюбленных,
Которым порознь быть невмоготу.

Касалась жизни
Моей груди лучами,
Неведомой мелодией звения.
Четыре года черными очами
Моя Гуляйм смотрела на меня.

Избранница
Ждет каждого на свете,
Так неужели же я счастлив, жизнь?!
И думая о том, я не заметил,
Как те четыре года пронеслись.

9

Он на воду взглянул,
Потом рукою
Пригладил молча волосы спон.
Как умолчишь, когда в душе такое,
Когда душа исполнена любви?

Но почему он изменился резко?
Легли морщины частые у глаз,
Да и мечту искать в них бесполезно,
Бе огонь
Негаданно погас.

Но мне, не скрою,
Было интересно
Все до конца о юноше узнать.
— Сейчас, паверто, вы живете вместе? —
Спросил я, чтоб беседу поддержать.

— Нет! — Произнес он быстро.—
Счастье это
Я удержать в своих руках не смог.
Я позабыл ее, как можно летом
Забыть про дождь, что пропитал песок.

За пламень тот, в котором юность бьется,
В котором ты доверчив и открыт,
Когда-нибудь потом

Платить придется
Той горечью, что истина таит.

Ты о дурном и мысли не допустишь,
Уверенный,
Что целый мир кругом
С тобою весел, и с тобою грустен,
И вхож с тобою вместе в каждый дом.

Свои волченья и свои обиды —
Мы все готовы вытащить на свет.
Мы иходим в мир
Доверчиво открыты,
И простота за нами входит вслед.

В ней озарешь,
В простоте той строгой,
Ведь, веря лишь прекрасному в душе,
Ты и в метель рванишься на дорогу,
Не торопясь укрыться в шалаши.

Но, правда, ты, за красотой в погоне,
Способен ложь за истину принять.
Но если ложь
Сокнет свои ладони,
Сумеешь ли ты вырваться опять?

...Я был влюблен в свою Гуллийм
— спросил,
Вот так змей приносит боль.
Четыре года
За собою властно
Вела меня легкая любовь.
Я кончил институт.
Меня к аулу
Земля манила с каждым днем сильней.

— Приеду после! — мне Гуляйм шепнула.
Ну разве мог я не поверить ей?

Мечта моя исполнилась,
Усердно
Степные тайны я узнать спешил.
Вертелся в колесе немилосердно,
Да так, что к ночи был уже без сил.

К тому же, у людей свои привычки:
Иного пушкой не проймешь никак,
А у меня пока —
И опыт птичий...
Короче, был нелегок первый шаг.

Душа в труде становится богатой,
Труд незаметно
Закаляет нас.
Мужчинами становятся ребята,
И руки тверже и острее глаз,

Все те же споры, и дела все те же
Меня одолевали день-деньской.
Когда Гуляйм
Писать мне стала реже,
Я потерял надежду и покой.

Тревожась и в夜里,
И ранней ранью,
Предчувствовал, что близится беда.
Любовь и неутешное страданье
Бывают неразлучны иногда.

Мне год казался
Бесконечным сроком,

Из сердца вырывающим мечту.
Измучен неизвестностью жестокой,
Приехал я тогда в Алма-Ату.

Любимая
Любых наветов выше,
Она хранит заветное в душе.
— Твоя Гулайм недавно замуж
вышла! —
Сказала мне при встрече женеше¹.

Да как же так?..
Метался я устало,
Как путник под тоскующим дождем.
И мне обида горькая шептала:
Мы зря от жизни преданности ждем...

А сердце, переполненное жаром,
Вело отчет недель, часов, минут.
И думал я:
«Нашла она не пару,
Зато нашла достаток и уют!,,»

Мне снились ночью
Радостные вести,
Чтоб на рассвете сгинуть без следа.
Любовь моя сгорела в поднебесье,
Как яркая падучая звезда.

10

Ертай поник устало головою,
Как будто бы в себя ушел опять.

¹ Женеше — жена старшего брата.

Ах, девушки!
Я знаю, не с любюю
Нам удается счастье отыскать.

Не каждая способна на лишенья,
На трудности сурового пути.
Иные на обман
Без размышления
Готовы ради выгоды пойти.

О, этот миг решительного шага,
Меняющего жизнь паренька!
Кем надо быть,
Чтоб за земные блага
Отдать любовь такого паренька?..

Чтоб скуку и достаток обретая,
Сменить тревоги на глухую тишину?..
Казалось мне,
Сочувствуя Ертаю,
Застыл в немом величии Иртыш.

И тайны сохраняя величаво,
То в меру добродушна, то строга
Дышала слева,
Шелестела справа
Рекою рассеченная тайга.

Привычно,
Чуть медлительно и сонно
Себя на сотни блаков раскроша,
Прощалось с нами искрепшее солнце
И погружалось в воды Иртыша.

Лишь пароход,
Стараясь быть джигитом,

Спешил вперед на дальний огонек,
Да все гулял по палубе открытой
Прохладой палевавший ветерок.

Я знаю, от истоков и до устьев
На свете не найти похожих рек.
Иртыш прекрасен,
Но охначен грустью
Доверивший мне душу человек.

— Я не грушу,—
Заметил он с упреком,—
Не остаюсь безропотно в тени.
Пусть эта боль послужит мне уроком
На всех дорогах в будущие дни.

Конечно, было горьким испытание.
Конечно, юность не вернется вновь.
Конечно,
Принесли с собой страданье,
Потерянные вера и любовь.

Прозренья не проходят стороною
Всему на этом спете свой черед.
И все же, знаешь,
Кое-что иное
Сегодня мне покоя не дает.

Я о любви
Хочу забыть до срока
И не ищу сердечного тепла.
Судьба со мною обошлась жестоко,
Но радостью меня не обошла.

Мне степь открылась щедростью
богатой.

В степи я

Не велик, но и не мал,
Встречал восходы, провожал закаты,
Зимой и летом сладко уставал.

Мне в той степи
Все близко и знакомо,
И не щадя волнения и сил,
Я непростую долю агронома
За чувство беспокойства полюбил.

Не привыкай изнеженно лениться
И окружай вниманием каждый пласт,
Дружи с землей.
Она тебе сторицей
За долгие старания воздаст.

Признаюсь:
Дождь нас жалует не часто,
Случается и засуха подчас.
Тогда винит усталое начальство
Сперва погоду, а потом и нас,

В минувший год
Дышало жаром небо,
Не радовала ранняя весна.
Я чувствовал, что было бы нелепо
Сухой земле доверить семена;

Что было бы неразумно и жестоко
Встать у природы поперек пути...
И все же посевную
В те же сроки
Обязаны мы были провести.

Не изменялась знойная погода,
В глаза

Полынной горечью пыля,
И погибали тоиенькие всходы,
И, каменея, трескалась земля.

Что толку в криках
И во взглядах хмурых?..
Подсолнухи у засухи в плenу
И те стояли скорбно и пошуро,
Уйдя всего на палец в вышину.

Степь не цвела,
Опалена дыханьем
Звенищего от зноя ветерка.
Не обращая на людей вниманья,
В седые дали мчались облака.

Пожалуй,
Не придумать горше доли.
Хоть мы, любя профессию свою,
До темноты не оставляли поля,
Царил неурожай во всем kraю.

Мы дотемна не пили и не ели,
В заботах забывая об ином.
Нам не далась победа...
И на деле
Виновным оказался агроном.

Забылись наши летние заботы,
И хлопоты, и мужества почни.
Да, для того,
Чтоб снять меня с работы,
Хватило у директора причин.

Но как забыть былье дни и ночи,
И те поля, и степь, и те луга?

Хотя душа
Болит и кровоточит,
Земля родная сердцу дорога.

Как позабыть
Простора круг широкий,
В полнеба полыхающий рассвет?
И я, стерпев обиды и упреки,
Не надломился, не уехал, нет!

Я сам хозяин там,
Не потому ли.
Не уступая права своего,
Работая учетчиком в ауле,
Я свято верю в правды торжество.

Конечно, просто верить —
Слишком мало...
Я еду в центр, мечту свою храяя,
Готовый ныиче все начать сначала,
Лишь только б люди поняли меня!..

Ертай,
Наверно, вспомнив о просторе,
Повел немного в сторону плетом.
Такому нипочем любое горе
И трудности любые нипочем.

Такой в борьбе не будет одиоким,
Хоть хлещут неудачи что ни день.
Жизнь для Ертая
Не была потоком,
Поспешно направляющимся в тень.

Он знать не знал отчаяния и скуки,
Он одолеть нахлынувшее смог.

Прощаясь, мы друг другу
Жали рука,
Как бы в предверье будущих тревог.

Тебе, Ертай,
Дарю я эти строки,
Чтобы сумел ты главное найти.
Пусть карьеристы все еще, до срока,
Встречаются порою на пути.

В клубке страстей не разобравшись
толком,

Судьбой своей не просто управлять,
Но будь, Ертай мой,
Мужественно стойким,
Сын Иртыша, ты должен стойким
стать.

ЭПИЛОГ

Прошли года с тех пор,
Тенистый парк
Зовет под сень свою алматинцев,
И здесь, как будто выращенный в дар,
Любой цветок готов к тебе склониться.

Цветы, цветы! Нежнейшие тона,
Айгуль, Назгуль и Тажгули мож вами,
С чем эту красоту сравнять?
Она
Несет в себе живительное пламя.

Читатель мой!
Скажи, что б сделал ты,
Дыхание цветов встречая всюду?
Я сердце распахнул — вокруг цветы,

Я возраст позабыл, поверив в чудо.
Казалось мне, что снова пью кумыс,
Что девушкой снисходит вдохновенье...
И вдруг в толпе
Средь незнакомых лиц

Одно лицо мелькнуло на мгновенье.
Ах, кто же он? Поди-ка угадай!
Но вот и он скользнул по мне глазами
И подошел.
— Да это я, Ертай! —
Мне подсказал, чтоб я не мучил память.

В костюме новом
(Тот костюм вполне
Красавцем делал славного джигита).
Чуть пополнел (так показалось мне).
Остался взгляд по-прежнему открытым.

Колодки наградные на груди
Свидетельством успеха красовались.
Подумал я:
«Победы на пути
Тебе, джигит, не просто доставались».

Из уст его спеша услышать весть,
Узнал я с неподдельным интересом,
Что истина
Ему вернула честь,
Прорвав однажды облаков завесу.

Над иами ветви яблони нависли.
Ну, как,
Садовой свежестью дыша,
Сдержать мне вдохновение и мысли
Об этом стойком сыне Иртыша?

Исполненный надежды и дерзанья,
Даль приближая,
Где лучи сошлись,
Он как бы звал меня на состязанье,
На бесконечный жизненный айтис.

СОДЕРЖАНИЕ

НАСТРОЕНИЕ

«Грусть легкая тебя в полон взяла...» Перевод М. Луконина	6
Вера. Перевод Вл. Савельева	8
Любимое. Перевод Вл. Савельева	9
Всё — сегодня. Перевод М. Лыкова	10
«Со смертью не в ладах...» Перевод Вл. Савельева	11
«Сердце — это лекарство...» Перевод В. Бокова	12
«Мы дети...» Перевод М. Луконина	13
«Я море долго обольщал...» Перевод М. Луконина	14
В пути. Перевод М. Луконина	15
«Кто ты, милая? Лукин!» Перевод В. Бокова	16
«Не за моим следишь ты взором...» Перевод В. Бокова	17
«Когда, не отрывая глаз...» Перевод В. Бокова	18
«Печали, пасмурен и нем...» Перевод В. Бокова	19
Моя Айгуль. Перевод Т. Кузовлевой	20
Озеро Рица. Перевод Т. Кузовлевой	21
«Я все стерпеть сумею...» Перевод Вл. Савельева	23
Баллада о Гани. Перевод Вл. Савельева	24
Печали и радости. Перевод Л. Кривошекова	28
«Следит за мной один и тот же взгляд...» Перевод Л. Щеглова	30
Ищу тебя. Перевод М. Луконина	31
«О степь, и взгляном не окинешь, право...» Перевод Т. Кузовлевой	32

О ЧЕМ ВСПОМИНАЕТ СЕРДЦЕ

Вновь растрескавшаяся луна. Перевод Вл. Савельева	34
Эйзенхюттенштадт. Перевод Вл. Савельева	36
Берлин. Перевод Вл. Савельева	38
На танцах. Перевод Вл. Савельева	39

Бисонская Шекспирин. Перевод Вл. Савельева	42
Черть. Перевод Вл. Савельева	45
Чертиз ложа. Перевод Вл. Савельева	47
Дал в Лейпциге. Перевод Вл. Савельева	49
Бесоведъ солдата. Перевод Вл. Савельева	50
Зубы. Перевод Вл. Савельева	51
Разговор с Гейне. Перевод Вл. Савельева	52

САМЫЙ РЫТЫША

Сам Иртыш. Позма. Перевод Вл. Савельева.
Т. Кузовлевой

54

Шамкенов Аманжод

НАСТРОЕНИЕ

«Жазушы». Алма-Ата, 1973

Редактор Г. Максимов

Художник Г. Кистаубаев

Художественный редактор А. Смагулов

Технический редактор К. Зауренбайулы

Корректоры И. Григорьева, Н. Огнева

Сдано в набор 11/XII 72. Изд. № 61. Подписано к печати 2/III 1973 г.

Бум. тип. № 3. 70×90 $\frac{1}{4}$ —2,75 л. л.=3,21
 усл. п. л. (Уч.-изд. 2,17 л.).

Тираж 8000 экз. Цена 22 коп.

Заказ № 7226. Типография № 1в Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли,
 г. Алма-Ата, ул. Утенова, 23.